

В понедельник жди людей — ходоков с пустыми корзинами. Таков обычай наш: что в первый день отдашь, то в Плетёного вшьют. Клади прядь волос, чтобы он тебя помнил; клади обрезки ногтей, чтобы он тебя не царапал; клади слезу в склянке, чтобы он тебя не тронул. Что отдашь — то навек его, что скроешь — он сам придет и заберет. Плачь горько, отдавай щедро.

Укол. Что-то тянут. Высасывают. Соскабливают.

Надрез. Копаются внутри. Больно.

Гладят. Давят. Снова что-то срезают.

Бьют, легонько. Вытирают.

Туман почти не сходит с глаз,

с ушей,

с сознания.

Страшно.

Больно.

Но больше страшно.

Кто-то бубнит над ухом, очень монотонно, в два голоса, в три.

Снова больно. Неприятно.

Очень страшно.

Плачь горько — отдавай щедро.

...

Старшие агенты говорят, что как только начинаешь чувствовать жалость к *существам*, ты, считай, погиб. В виварии, кажется, не знают о том, что такое понятие как «жалость» вообще существует в природе. Будучи младшим агентом, невольно задумываешься, глядя на кураторов: сколько же лет ушло на то, чтобы вытравить все ласковое и трепещущее из груди?

Сложновато поначалу перестраивать себя, свои алгоритмы. Постепенно вытачивать любое сочувствие, зарубать на корню недопустимые вопросы. Иногда бывает невольно проскальзывает склизкая зависть к коллегам, которые с этим вообще знакомы не

были. Казалось даже, в дни особенно тяжелые, что мир их четко поделен на черное и белое. Но это не так. Даже самые стойкие сотрудники здесь были всего лишь людьми.

Когда только попадаешь на базу хранилища Левиафан, кажется, что ты оказался в каком-то научно-фантастическом фильме: множество замков, кодов, проверок, кругом лабораторные помещения, а дальше — клетки и камеры.

— В первый раз все глаза круглые делают, — смеется один из сопровождающих. Он, кажется, первый, кого я здесь видел улыбающимся.

Снаружи хранилище казалось чем-то похожим на завод, но внутри оно уходило на много этажей вниз, под землю. Огромная тюрьма — вот, чем в первый визит показалось мне это место. Не думайте, правда, что все так уныло: хорошего здесь тоже немало. По крайней мере, для таких как я, то есть для сотрудников.

База L1-B считается репозиторием для существ, что были пойманы уже взрослыми. Здесь я видел только «низкий» и «средний» уровень угрозы. Полагается, что есть еще как минимум база L1-A, что было бы логично, но тут никто особо не любит болтать о структурном устройстве организации. Может быть, это какая-то корпоративная этика? Такое у них с самого этапа рекрутинга...

Я не раз задавался вопросом, были ли среди всех отловленных чудовищ те, что смогли бы работать здесь? Раз уж здесь есть такие, что напоминают людей еще больше, чем самые обыкновенные ваши соседи, например, то почему бы не использовать их способности? Этот вопрос посещал меня каждый раз, когда я возвращался из места содержания объекта под моим наблюдением. Разумеется, я проводил наблюдение не в одиночку. Но свои вопросы вслух я не задавал. В виварии грань между дозволенными

вопросами и лишними размышлениями сильнее с каждым днем, проведенным среди клеток с многоступенчатыми замками и камер под пуленепробиваемым стеклом. Но забывать об этой грани было непозволительной роскошью, ведь как только вопрос начинает менять оттенки, сразу находится кто-то, кто ткнет тебя носом в реальность. Так быстро, насколько это вообще возможно, ведь важно не просто предотвратить этот вопрос от облечения в слова, а вырубить его на корню, еще в самой мысли. И хорошо бы, если такой вопрос был один.

«Из чего рождаются разработки и достижения научного блока?»

«Откуда берут слезы русалок? Рога киринов? Чешую драконов и крылья феи?»

«Отдают ли они все это добровольно? Или разбирают их по частям силой?»

«Больно ли им? Обидно? Есть ли у них выбор?»

«Есть ли у них надежда на то, что когда-нибудь этот порочный лабораторный цикл для них прекратится?»

Что отдашь — то навек его.

Что скроешь — он сам придет и заберет.

...

Вот у этого парня ничего не забирают, с него и взять-то нечего. Части ругару не обладают особенными магическими свойствами. Однако, это не освобождает его от прочих стандартных проверок и анализов. Можно ли полагать, что ему здесь еще хуже, чем

русалкам? Его пытаются спасти. А куда вымощена дорога благими намерениями, вы и сами знаете.

В общем, про таких вы наверняка слышали. Когда-то давно они кошмарили франкофонов, а теперь где-то в Луизиане ими обычно пугают непослушных детей и не соблюдающих пост католиков. «Обычный оборотень» — скажете вы, и любой уважающий себя сотрудник вивария ответит вам: «Да ни хрена подобного». Это вам не Джейкоб из «Сумерек» и даже не Римус Люпин из «Гарри Поттера», это зверь иного толка. Точнее, не совсем зверь.

Ликантропия, считающаяся болезнью, изучается гораздо дольше, чем оборотничество ругару, что, по сути, является проклятием. К сожалению, из-за этого сотрудники гоэтического отдела навещают сюда куда чаще, чем хотелось бы кому-либо из научного блока. И количество их визитов не сокращается несмотря на все усилия, брошенные на спасение агента.

Арч Уайт — некогда ликвидатор первого ранга. Неубереженный новичок, погрызенный на выезде крупным волком. Как оказалось, помимо переломанной ноги, Уайт в качестве сувенира увез с собой проклятие и собачью голову. Сейчас он уже некоторое время содержится здесь, в репозитории, почти всегда в полусонном, полуживом состоянии, в котором его и стараются удерживать. Изредка здесь, как призраки, появляются старшие агенты, которым его и доверили. Каждый раз, когда они проходят мимо камеры, глядя прямо через стекло на него, лица у них делаются до большого скорбными. Но они всегда молчат, и только уходя, просят о нем позаботиться.

Сам Уайт с ними не видится. Иногда, когда проклятие и успокоительное слабеют, он про них спрашивает. Как они? Навещали ли его? Я всегда отвечаю, что не знаю. Он в ответ всегда

просит передать, чтобы они себя не винили. До чего же невезучий малец...

...

— Как ты себя чувствуешь?

— Бок и рука саднят. Опять что-то забрали? — он вздохнул, сдерживая прилив раздражения. Сдерживать «ферей» ему все еще было трудно.

Для этого в кармане моем лежал транквилизатор на случай, если Уайт сдержаться не сможет. Впрочем, мне к нему прибегать еще не приходилось.

— Да, нужно много крови, раз уж ты вернулся в нормальный вид. — Я взял планшетку с опросником поудобнее и начал вести запись, — Что еще? Голова не кружится? Никаких лишних конечностей не чувствуешь? Не голодный?

Говорят, что проклятие ругару отмеряется сроком в 101 день, а после оно перемещается на того, чьей крови отопьет зверь. А принять человеческий вид может, только испив человеческой крови. Впрочем, бытует и более простой способ вернуть человеческий вид ругару — пролить его кровь. Однако тот, кто это сделает, рискует и сам стать оборотнем. Так что получается замкнутый круг. И пока аналитики собирали данные по оборотничеству, неудачливый агент был вынужден сидеть взаперти не только в клетке, но и в своем трансформированном теле.

Что ж, после полугода пребывания в облике огромного волка, Уайт еще около месяца вспоминал, как разговаривать по-человечески. Его было дозволено напоить кровью только когда курирующие агенты были уверены, что проклятие не выкинет никаких фокусов.

Обратную трансформацию застала только камера, но сам Уайт утверждал, что боли он не почувствовал, только все гудело, как будто конечности затекли. Казалось, будто и не был он волком полгода.

Потом пошли странности. Он вел себя, как и полагалось человеку, но на себя был совсем не похож. В отличие от «компанейского и инициативного» парня из характеристики, со мной в камере был нелюдимый и раздражительный человек, срывающийся от каждого скачка в интонации. Было заключено, что это воздействие проклятия, а не реакция психики.

— Я просидел в шкуре зверя полгода... И даже обернуться по своему желанию не могу! — слабый оскал Уайт спрятал, отвернув голову. — Я все помню. Все, что было, пока я был волком. Я все четко видел, слышал и осознавал.

Даже сейчас он сидел передо мной в наручниках, склонив голову, и был похож на обычного уставшего после задания агента или на любого сотрудника лаборатории после изматывающего денька.

— То, что ты еще не мертв, значит, что есть шанс тебя спасти. И мы работаем над этим, Арч. — Эти полные надежды слова вырвались изо рта раньше, чем я смог их поймать и отполировать в более четкие и холодные. Увы, сказанного не воротишь, поэтому пришлось взять себя в руки и вернуться к бумажке на планшетке.

...

Изоляция сказывалась на Арчи не самым положительным образом. Вообще не положительным, если уж быть откровенным. Парень начинал сходить с ума. Кроме того, его новые реактивные паттерны в поведении, кажется, развивали в нем паранойю. Я стараюсь ему

не потакать, но поддерживать контакт становится сложнее, а терять его нельзя. Чтобы вернуть ему человеческое состояние, нужно, чтобы к тому времени, как мы найдем способ это проклятье снять, еще оставалось то, чему возвращаться.

В остальном же он стал немного покладистее. Он охотно делится своими переживаниями, если его разговорить, и не отдергивается от уколов. А уколы ему ставят часто. После того раза, как ему снизили количество успокоительного, а он попытался выцарапать замок из двери, было принято решение вернуться к изначальным дозировкам. Снизили только обезболивающее, и Арчи начал жаловаться еще и на саднящие мышцы.

Ему несколько раз пришлось обратиться во всклокоченного зверя с горящими глазами, пока мы не выяснили, на какой конкретно срок обращается в человека ругару после выпитой человеческой крови. Пару раз он застревал в каком-то промежуточном варианте, и тогда, во время просмотра записей с камеры, у меня в голове взвивались вопросы о процессах его трансформации. После этого мне пришлось снова выстраивать с ним доверительные отношения. Даже моим старшим кураторам пришлось навестить его, чтобы убедить в том, что мы пытаемся ему помочь.

Если говорить начистоту, я и сам очень хотел поскорее вернуть Арчи его прежнюю жизнь. Уверен, каждый в блоке делал все возможное, чтобы вырвать парня из лап проклятия ругару. Но, к сожалению, надежда — это что-то очень быстро тающее при отсутствии видимого прогресса. А когда ты сидишь целыми днями в «белой комнате», эти дни начинают тянуться бесконечно долго, перемешиваться и сливаться.

Одним словом, наших усилий было недостаточно. Арчи начинал терять связь с реальностью. Вскоре после нескольких жалоб на

«слишком громкие шаги за дверью» и «безвкусное рагу» я обнаружил у него расцарапанное предплечье. Он ничего мне не ответил, когда я спросил, зачем он это сделал. Когда рука зажила, он признался мне, что испугался того, что перестал быть.

Медлить больше было нельзя.

...

Кажется, ему немного лучше. Я снизил дозировку седатива, и к Арчи вернулась некоторая ясность ума. Он даже повеселел, начал шутить. Я не докладывал об этом мисс Стерн. Она считает, что в нашем распоряжении есть время, но я знаю, что она не права. К счастью, это не так сложно исправить. Ладно, определенно, сказать это гораздо проще, чем сделать.

Моя планшетка за все это время обзавелась дополнением в виде липких стикеров для заметок. Их желтые листочки отсвечивали в холодном освещении комнаты.

— Привет, Арчи. Как ты?

Арчи сидел на кровати, сложив голову в руки. Я сразу пожалел о жизнерадостности своего тона. Но тот никак не отреагировал. Только когда я приблизился и уже собирался наклониться, чтобы заглянуть, он поднял на меня взгляд.

— Сколько это будет продолжаться? — он звучал серьезно, — Сколько еще тестов и анализов мне нужно пройти, пока вы не придумаете, наконец, как меня вылечить?!

Я смолк. Растерялся немного. Отвечать нужно было быстро и решительно, чтобы не дать его злобе разойтись, но слова разбегались от меня, и я не мог поймать ни одного.

— Послушай, Арчи, мы работаем над этим. К нам подключили ребят из лаборатории материалов, они должны придумать для тебя временное решение, пока мы не закончим тестирования.

Это должно было его обнадежить, возможно, даже, немного успокоить. Но тот только зыркнул на меня и вскочил с места, прошел к стене.

— Я так не могу... Я ужасно устал. Я бóльшую часть дня сплю, и мне даже ничего не снится. Когда просыпаюсь, мне кажется, что комната меняется в размерах, потом я закрываю глаза и вспоминаю того волка в Тибодо, — когда он развернулся, мне показалось на мгновение, что глаза у него блестели, но он тут же нахмурился и шагнул ближе, — Он как будто выгрызает меня изнутри, и все силы уходят на то, чтобы не дать ему прогрызть дыру и вырваться. Этот волк не видит разницы между врагом и другом...

Что-то неприятное, спирающее воздух, зашевелилось у меня в груди. Я начал вести запись на краю листа. Возможно, я погорячился с дозировкой. Или времени оказалось еще меньше, чем я изначально полагал? Пока я молча делал пометки, Арчи стремительно вскипал.

— Вы так и будете здесь меня держать, пока я не сдохну от какого-нибудь опыта?! Ты обещал вернуть мне человеческий вид!

— И мы его вернем, Арчи, — я постарался смягчить тон, чтобы успеть перевести тему, но тот уже рванулся вперед, ко мне.

К горлу подступила паника, рука рванула в карман. Она не нашла там спасительного шприца с транквилизатором.

Его зубы нашли мою шею.

...

Что произошло? Не могу вспомнить... Где я? Почему все такое... странное... Что я делал?...

Точно, работа. Я работал. УНР. Виварий. Помню, я шел на обход к Арчи. Он сегодня был особенно раздражительный. А что дальше?

Точно... Он меня укусил! Вот, зараза! Я же хотел ему помочь! Совсем уже двинулся... Черт, надо проверить укус... Черт... Надо...

Надо...

Надо...

Укол. Что-то вводят. Связывают?

Больно. Что-то срезают.

Гладят. Давят. Снова укол.

Вытирают. Все горит.

Не получается сфокусироваться...

Где я?

Я не помню, что случилось.

Не могу вспомнить. Почему-то страшно.

Хочется плакать. Я где-то ошибся, но не помню, где. Не успел?

Снова где-то укол боли.

Не могу определить, где.

Все путается. Я не успел.

Да. Плачь горько — отдавай щедро.